

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(СОФ НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СМЫСЛА
«ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В АСПЕКТЕ СЕМАНТИКИ РУССКИХ
ПАРЕМИЙ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 92061202
Головковой Евгении Геннадиевны

Научный руководитель:
д.фил.н., профессор
Семененко Н.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. «Толерантность» как направленность русского этноязыкового сознания.....	6
1.1. Этноязыковое сознание как предмет смежного лингвистического анализа.	6
1.2. Концепт «Толерантность» в русском языковом сознании: основные подходы к изучению.	8
1.3. Функционально–семантический и лингводискурсивный потенциал паремий как репрезентаторов национальной концептосферы.....	17
Глава II. Выражение идеи «Толерантности» в русском паремическом фонде.....	28
2.1. Особенности организации и прагматических векторов выражения идеи «Толерантности» в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля.....	28
2.2. Деление на «Своих» и «Чужих» в русском паремическом фонде.....	30
2.3. «Терпение» и «Уважение» как прагматические ориентиры семантики русских пословиц.....	38
2.4. Тематический анализ русских паремий, выражающих идею «Толерантности», в формировании универсальных учебных навыков школьников.....	40
Заключение.....	44
Список использованной литературы.....	46

ВВЕДЕНИЕ

Концепт «Толерантность» является важным компонентом русской картины мира, о чём свидетельствует количество его связей с другими концептами, а также насыщенность этих связей, но сегодня актуальным является вопрос еще и о степени идентичности данного концепта для русской концептосферы, связанный с тем, что лексема *толерантность* является заимствованной относительно недавно, а сема 'толерантность' имеет достаточно неоднозначное толкование в современном русском языке. Концепт – категория динамичная, постоянно взаимодействующая с ментальными и культурными доминантами общества в его постоянном развитии. Формирование ядра и около ядерного семантического поля концепта происходит параллельно с изменениями общественного сознания. Вместе с тем, при отсутствии в историческом пласте русской языковой картине мира (ЯКМ) самой лексемы *толерантность* нельзя отрицать тесной связи репрезентируемого с её помощью концепта с исконной отечественной концептосферой в целом и с ключевым для русской ЯКМ концептом «Терпимость», о чём упоминают многие исследователи: Семененко Н.Н., Бессонова Л.Е., Растатуева С.Г.

Обращение к паремическому материалу актуально не столько для описания репрезентативного потенциала в современном русском языке, сколько для выявления самого факта наличия данного этнокультурного смысла в русской концептосфере. Паремия – один из важнейших феноменов, отражающих ментальные особенности нации, выраженные в языковом пространстве и «донесенные» до нашего времени с минимальным искажением. Следовательно, описание семантического ядра концепта «Толерантность», стоит именно в паремиологическом фонде.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития лингвистической науки, характеризующейся плюрализмом направлений и подходов, возникла

необходимость установления движущих факторов формирования концепта и его признаков. Данная работа, позволит отразить особенности вербализации концепта «Толерантность» в паремиологии, как в системе, отражающей особенности национального сознания.

Объектом исследования являются область паремиологии, репрезентирующая концепт «Толерантность».

Предметом исследования – этноязыковые параметры концепта «Толерантность».

Цель исследования: описание лексико-семантических и экспрессивно-оценочных особенностей репрезентации концепта «Толерантность» в своде русских паремий.

Поставленная цель обусловила следующие **задачи** исследования:

- 1) рассмотреть понятие этноязыкового сознания, процесс формирования и фиксации в нем культурных особенностей;
- 2) охарактеризовать ведущие проблемы концептуального анализа паремического состава русского языка;
- 3) систематизировать выделенные паремические репрезентаторы концепта в соответствии с их тематической интерпретацией;
- 4) описать семантическое поле вербализации концепта «Толерантность» на основе систематизированного материала;
- 5) выявить лексико-семантические и экспрессивно-оценочные особенности репрезентации концепта «Толерантность» в обозначенном тематическом пространстве русских паремий
- 6) применить методы и результат анализа на практическом занятии по русскому языку.

Материалом исследования стали русские пословицы тематических групп «Свой – Чужой», «Воля – Неволя», «Друг – Недруг», отобранные в ходе сплошной выборки из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа».

В ходе исследования были использованы следующие **методы** и **приёмы** лингвистического описания: метод компонентного анализа при выделении вербализованных посредством паремий культурно маркированных признаков концепта; метод лексико-семантического описания компонентов паремий; метод лингвопрагматического описания семантики паремий; приём классификации выделенных тематических признаков и метод моделирования в ходе структурного анализа семантического поля паремических вербализантов концепта.

Структура работы: данное исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы.

Глава I. «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» КАК НАПРАВЛЕННОСТЬ РУССКОГО ЭТНОЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

1.1. Этноязыковое сознание как предмет смежного лингвистического анализа

В лингвокультурологии своеобразно переплетаются когнитивные и собственно культурологические категории. Важнейшей среди них является понятие этнокультурного (этноязыкового) сознания. Если сознание в когнитивистике – это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этнокультурное (этноязыковое) сознание – высшая духовная категория, представляющая собой ассоциативно-смысловую форму отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества.

В соответствии с таким пониманием структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные (понятия, представления) и некогнитивные (чувства, эмоции, воля и др.) элементы, а с другой – элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т. п.).

Каждая культура имеет свой сформированный образ мира, в который включены: ЯКМ (языковая картина мира), образ мира и ММ – (модель мира). Все эти «представления» о мире отражают общечеловеческие принципы основанные на эмпирическом и теоретическом материале, устоявшемся философском представлении и принятой системе знаний. Также существует Индивидуальная КМ, которая складывается в процессе накопления индивидуального опыта и знаний, и является результатом различных влияний окружающей действительности.

Современная картина мира представлена системой общественных и гуманитарных знаний о человеке, обществе, природе, объективирующей определенную его часть присущими ей способами.

Модель мира представляет собой сетку координат, которая может быть одинаковой у разных людей, но создаваемая в ее рамках КМ различна. На формировании КМ индивида и социума влияют различные факторы: коммуникативный, когнитивный, прагматический, социокультурный. Все эти факторы, в рамках одного этноса можно назвать этнокультурными.

Таким образом этнокультурный образ мира обуславливается особой матрицей, системой векторов, с помощью которых общество воспринимает и интерпретирует окружающую действительность. Образ мира и ЯКМ являются следствием отображения действительности на всех слоях: бытийном, включающем обыденную детальность, чувства, образы, бессознательного, и рефлексивного (сознательного).

С точки зрения когнитивной культурологи образ мира составляют языковые значения, однородные для этнокультурного сообщества. В основе семантического пространства языка которым владеет человек с самого детства лежит целостный, сформированный образ этнокультуры.

Культурный компонент знаков непрямой номинации создается их символичностью и связью с этнокультурным сознанием общества. Культурно–прагматическое содержание дискурса состоит из многих компонентов: интернациональный, дидактический, пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый, модальный, которые и определяют коммуникативно–прагматические свойства языковых знаков, которые составляют своеобразие ЯКМ и языкового сознания.

Таким образом, этноязыковое сознание отражается во всех аспектах изучения родного языка.

Этноязыковое сознание включает в себя как осознанные, структурированные и вербализованные знания, но и неосознанные. Этноязыковое сознание это своего рода совокупность культурем, следовательно исследование в этом направлении должны прежде всего сосредотачиваться на анализе специфики языкового сознания.

ЯКМ строиться на вариантах этноязыкового видения, соответственно в разных языках одни и те же денотаты будут иметь разную смысловую организацию, и разную вербализацию. Для наиболее объективного анализа родного языка необходимо применять сравнительный метод, анализируя родной язык и материал других языков. Наиболее ярко этноязыковое сознание отражено в изречениях народной мудрости, пословицах, приметах и.т.д.

Таким образом, этноязыковое сознание влияет на содержание ЯКМ, ММ, ФКМ и на образ мира, представляя собой самобытное ядро культуры.

Вопрос выделения языкового сознания в отдельную категорию в науке открыт. Считается, что любое сознание непременно объективируется лингвосемиотическим кодом. Однако не лишена смысла и другая точка зрения, согласно которой когнитивные процессы, конечно же, опираются на знаковые опосредователи, но ими могут быть не только знаки языковые, но и другие семиотические средства передачи информации. Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и ее декодирования в процессе речевого общения, т.е. передачи информации.

1.2. Концепт «Толерантность» в русском языковом сознании:

основные подходы к изучению

Концепт – динамическая категория, способная изменяться во времени. Вероятность эволюции, состоит в модификации состава концептуальных признаков и их репрезентантов [Богатырева 2010:8]. Как любой концепт, «Толерантность» представлена в разных языках и

культурах неоднозначно. Так, в современном русском языковом сознании концепт «Толерантность» характеризуется незаконченностью своего формирования, динамичностью и расширением содержания, в частности, содержание концепта в общественном дискурсе значительно расширилось за счет приобретения им дополнительных содержательных признаков, выражающихся, соответственно, в структуре значения основных вербализаторов: «равноправный диалог партнеров»; «взаимопонимание и сотрудничество»; «глобализация мира», «многополярный».

В русский язык лексема «толерантность» попала сравнительно недавно, тогда как в европейской культуре является давним концептом. Рассуждения о толерантности мы находим в трудах Дж. Локка. В своих «Письмах о веротерпимости», «Очерках о терпимости» философ предлагает концепцию толерантности, основанную на общественном договоре и разделении частной и общественной составляющих жизни каждого человека. Также, философская и этическая категория толерантность была рассмотрена в трудах П. Бейля. Против религиозной нетерпимости выступал Вольтер в своём «Трактате о веротерпимости». Правам человека посвящены работы Ж.Ж. Руссо. В Западной Европе толерантность была своеобразной рефлексией Тридцатилетней войны и религиозных столкновений.

Позже, мысли о толерантности появляются и в русской лингвокультуре, в трудах Л.Н. Толстого, А.И. Солженицына. Особенно большой интерес к толерантности как культурно-социальному феномену возникает в конце XX века. Появляется целый ряд исследований в педагогике, политике, социологии.

До конца XX века концепт «Толерантность» был неактуальным, на это указывают словарные легенды, концепт принадлежал к элитарному страту русской культуры. Словари иностранных слов конца XX века демонстрируют повышенный интерес к анализируемому слову. Эти факты подчёркивают новизну лексемы для русской лингвокультурной общности.

А повышенный интерес конца XX века как в русском так и в других языках, говорит о том, что концепт «Толерантность» и его имя были восприняты и по-новому и объяснены научной картиной мира.

В конце XX века в наивной языковой картине мира концепт и обозначающее его слово толерантность получают новое рождение. Концепт становится актуальным, что проявляется в тенденциях к чёткости семантизации. В настоящее время намечено четыре основных методологических подхода к толерантности: 1) аксиологический, трактующий толерантность как ценность; 2) идеально-типический, рассматривающий толерантность как моральный идеал общественного устройства; 3) онтолого-исторический, изучающий толерантность в историческом аспекте; 4) конфликтный, понимающий толерантность как фактор регулирования конфликтов.

Сам термин «Толерантность» заимствован, но семантика концепта, формировалось в русском языковом пространстве автономно от европейского, с учетом ментальных особенностей населения и исторического развития. Объективация данного концепта производится с опорой на слова терпимость, снисходительность [Растатуева 2008:10]. Соответственно в русском языке выделяют две ядерные семы: '*снисходительность*' и '*терпимость*'. Причем, при сопоставлении лексико-семантических полей толерантности в русском, немецком, английском языках, отмечается одинаковое расположение от центра семы '*уступка*' в составе. Каждый из сопоставляемых языков обладает на периферии поля определённым составом сем, не имеющих эквивалентных понятий в других языках. Не смотря на автономное формирование семантики, обобщение вариантов смысловых репрезентаций концепта «Толерантность» в английском, немецком и русском языках показывает сходства таких сфер человеческой деятельности, как отношения между людьми, поступки и черты характера человека. Однако в каждом культурном сообществе есть свои, присущие в большей степени ему,

моральные доминанты, так как характер народа складывается в результате воздействия различных факторов: осознания своей исторической миссии и реальной истории, свободы самопроявления и инерции исторического процесса, национального идеала и национальных эмоций, аффектов, духовных противоречий и реальной действительности.

В русском характере с концептом «Толерантность» связаны такие доминанты, как фатализм, любовь к морализаторству, душа, совесть. Ментальными образцами русского характера являются неустанный поиск добра, истины, гармонии, широта, простота, сердечность, непреклонная воля, твердость, неуравновешенность. Эти качества объясняются геополитическими и климатическими условиями формирования духовного и этнического генотипа русского человека, так как русская цивилизация создавалась, в отличие от европейских, в экстремальных условиях. Сущность русского характера во многом определяется православной религиозностью, питавшим его православным вероучением, а православными доминантами являются соборность, стремление к нравственному совершенству, дар покаяния, долготерпения, жертвенности, признание ценности страдания.

Таким же образом, например, в немецком характере отражаются национальные идеалы, духовные нормы, исторические ошибки, сумма обстоятельств жизни народа, которые и определяют его доброжелательность, уважение, порядочность, аккуратность, расчетливость, практицизм, определенную бедность чувств в таких состояниях души, как любовь, сострадание.

Отличительными чертами английского характера являются самообладание, невозмутимость, сдержанность, обходительность, культ самоконтроля и предписанного поведения, склонность обходить острые углы, терпимость к чужому мнению, необщительность.

«В России только сегодня начинается осознание давно существующей потребности в толерантном отношении к иному. Благодаря

значительному скачку в развитии роли средств массовой информации в жизни людей, положительным изменениям в идеологии государства, связанным с предоставлением свободы слова, современная Россия имеет все условия для публичного, целенаправленного обсуждения проблемы толерантности, а значит, и ее осмысления и формирования устойчивого, не столь противоречивого концепта, который имеется на сегодняшний день. Только тогда, пожалуй, русский концепт с именем «Толерантность» сможет освободиться в сознании россиян от влияния концепта «Терпимость», и его можно будет рассматривать как отдельный самостоятельный концепт...»[Сумина 2007:9].

Этому способствует федеративный характер российского государства, условия демократизации общества, интеграции России в мировое пространство, приобщение к европейским стандартам. Этот факт обуславливает идеологический характер концепта. Значимость толерантности поддерживается и религиозным компонентом русской культуры. Процессы концептуализации способствуют изменению характера продуцирования знания: из апостериорного концепт трансформируется в априорный.

Включение концепта в русскую картину мира осуществлялось способом состыковки. Опорным для концепта «Толерантность» словом в русской лингвокультуре стала лексема *терпимость*. Толерантность является концептом элитарного страта русской культуры. В развитии концепта наблюдаются тенденции к расширению границ функционирования данной ментальной категории, в частности «Толерантность» постепенно становится объектом общенародной культуры. Концептуализация толерантности осуществляется в положительном ключе. Языковое сознание стремится отождествить толерантность со смежными ментальными категориями, замещает данный концепт стабильным русским концептом «Терпимость» [Растатуева 2008:17].

«Важно отметить, что концепт «Терпимость» имеет исторический когнитивный слой, что свидетельствует о том, что данный концепт является исторически релевантным для русской культуры...» [Неровная 2009:15].

В настоящее время наблюдается «размежевание» синонимов. Данный процесс объясняется тем, что на первом этапе концепт «держался» за любые номинативные средства, чтобы выразить своё содержание, на втором – концепт, заполнив в русской лингвокультуре многие свои слоты, начинает отталкивать противоречащие его содержанию смыслы. Синонимы ключевого слова концепта «Толерантность» являются неполными, так как они отражают только одну из сфер проявления толерантности или одно из её свойств.

Антонимические парадигмы отражают, с одной стороны, особенности развития концепта, углубление процессов концептуализации, с другой – ценностную шкалу, функционирующую в той или иной лингвокультурной общности. Толерантность противопоставляется максимализму, агрессивности, злобности, раздражительности, ксенофобии, конформизму.

Рассмотренные антонимические оппозиции являются контрарными, что свидетельствует о континуальном характере данной ментальной категории. Антонимические оппозиции оформляются средствами нерасчленённой номинации. Подавляющее большинство антонимов являются разно-корневыми: антонимия формируется не в пределах одного понятия, а на базе различных вербализованных лингвокультуре ментальных величин.

Само слово *толерантность*, присутствует в различных научных дискурсах, и трактуется, естественно, не однородно. Каждый дискурс лингвокультуры характеризуется собственной стратегией концептуализации толерантности, а также спецификой ее репрезентации а семантической системе русского языка [Растатуева 2008:13].

В русской языковой картине мира находит отражение преимущественно медицинский дискурс. (Толерантность иммунологическая (лат. *tolerantia* терпение, выносливость) утрата или ослабление способности организма к иммунному ответу на данный антиген в результате предшествующего контакта с тем же антигеном).

Таким образом, специфическими признаками русского концепта являются пассивное отношение, снисходительность, спокойствие, способность выносить, в то время как этноспецифика например немецкого концепта, проявляется в таких признаках, как активная позиция, наличие границ, допуск [Воропаева 2007:9].

В научной картине мира идея толерантности вербализуется исключительно с помощью слова толерантность, тогда как в языковой картине мира для осуществления этой цели используются два существительных – толерантность и терпимость [Сумина 2007:17].

В России общегуманитарное понятие толерантность и соответствующий термин «Толерантность» развиваются параллельно, но с меньшей тенденцией к взаимосвязи языковой и научной картин мира. Это взаимодействие прослеживается лишь в той степени, в какой русскому пониманию феномена толерантности становится свойственна некоторая пассивность в отношении к другому. В этом случае семантика медицинского термина, сводимая к значению ослабления или отсутствия реакции на внешнее воздействие, накладывается на общегуманитарное значение, в связи с чем российской толерантности оказывается присуща не свойственная западной толерантности пассивность. Большое значение для развития и формирования этноспецифики российской толерантности имеет наряду с этим дублетность понятий «Толерантность» и «Терпимость», их взаимозаменяемость. Семантика существительного терпимость, сводимая к смирению, покорности, безграничному принятию, оказывает влияние на семантику слова *толерантность*, на восприятие этого слова носителями русского языка. В связи с этим в российской понимании феномена

толерантности до сих пор отсутствует осознание того, что толерантность не является безграничной, что она предполагает активное отношение [Сумина 2007:13].

Если сравнить ядра концептов «Толерантность» и «Tolerance» (англ.) то они совершенно различны. Когнитивный признак принятие многообразия форм самовыражения, образующий ядро концепта «Tolerance», входит лишь в дальнюю периферию концепта «толерантность», а когнитивный признак допущение многообразия форм самовыражения у концепта «Толерантность» отсутствует. Ядра концептов «Толерантность» и «Терпимость» имеют частичную общность [Неровная 2009:21].

В результате анализа средств языковой объективации концепта «Толерантность», а также концепта «Терпимость» в русском языке, можно сделать вывод о том, что данные концепты являются современными, коммуникативно-релевантными, актуальными и широко обсуждаемыми в современном обществе. В целом, можно отметить, что русский концепт «Толерантность» является более близким английской лингвокультуре, ближе английскому концепту. При переводе лексемы *терпимость* с русского языка на английский используется обычно английская лексема *tolerance*; но это не даёт оснований для отождествления концептов «Tolerance» и «Терпимость» [Неровная 2009:22].

«...концепт «Толерантность» в русском языковом сознании имеет достаточно яркую политическую составляющую. Аналогичный концепт в английском языковом сознании яркой политической составляющей не имеет...»[Неровная 2009:24].

Для немецкой языковой картины мира концепт «Toleranz» является одним из ключевых, а в русской языковой картине мира концепт Толерантность отсутствует в изолированном виде и присутствует лишь в составе парного концепта «Толерантность – Терпимость». Полевая структура концептов «Толерантность – Терпимость» и «Toleranz»,

состоящая из ядра и периферии, характеризуется в языковой картине мира принципиальной незамкнутостью. Базовые лексемы–репрезентанты, манифестирующие ядро исследуемых национальных концептов, не совпадают. В традициях развития толерантности в научной и языковой картинах мира Германии отмечается интенсивное взаимодействие общегуманитарного понятия «*Toleranz*» и соответствующего термина, т.е. влияние научной картины мира на языковую. Это влияние заключается преимущественно в том, что слово *Toleranz*, выражающее общегуманитарное понятие и имеющее основное значение терпимость значительно расширяет свою семантику за счет проникновения в нее дополнительных минимальных смыслов из термина.

Подводя итог, важно отметить, что концепт не статичная, а постоянно развивающаяся категория, формирование семантического поля «Толерантность» динамично, так как, на денотат влияют процессы постоянного взаимодействия мировых культур и различных дискурсов, в которых эта категория актуальна.

Особенностью концепта «Толерантность» является феномен взаимодополняемости одного репрезентанта концепта другим. Толерантность и терпимость, терпимость и снисходительность не отождествляются, а функционируют в качестве конкретизаторов, уточняющих языковые единицы, репрезентирующие концепт «Толерантность» [Растатуева 2008:10].

Концепт «Толерантность» становится полноправным членом русской концептосферы. Привнесённые в русскую лингвокультуру знания интерпретируются в соответствии со сформированными ценностями. Характерно направление концептуализации: научный подход обогащает наивную картину мира, элитарные знания – обыденные. Знания получают национально маркированные способы репрезентации. На примере данного концепта можно наблюдать особенности трансформации сознания,

взаимосвязь семантической системы языка с идейным развитием общества [Растатуева 2008:19].

Таким образом, можно сделать вывод, что лексическое поле заимствованного концепта «Толерантность», и его ядро, отличает незаконченность формирования, происходящего на основе культурных доминант русского языка, особенностей исторического развития и менталитета, не является калькой. Примечательно, что семантическое поле «толерантность» не дублируется и в европейских языках, развиваясь автономно. В русской концептосфере «Толерантность» ставят в один ряд с «Терпимостью» – концептом, имеющим исторически когнитивный слой, и являющимся исторически релевантным для русской культуры. Яркая дифференциация концептов, происходит в политическом дискурсе, в общественном наблюдается обратная тенденция аналогизации.

1.3. Функционально-семантический и лингводискурсивный потенциал паремий как репрезентаторов национальной концептосферы

Паремиологический фонд русского языка – это совокупность разных по времени происхождения и различных по степени значимости и актуальности в современной речевой практике народных пословично-поговорочных изречений, отличающихся структурными и семантическими особенностями, объединенных такими специфическими признаками, как естественность происхождения и устойчивость воспроизведения в речи в определенный исторический период [Потапова 2016:359].

Паремии являются сложной знаковой единицей, в содержании которой отражаются социальные отношения: отношение к нравственным ценностям и нормам, к традициям воспитания, к правам и обязанностям индивида соответствующей социальной роли, также отношения межличностные и межгрупповые, таким образом они становясь содержанием социальной культуры. Содержание паремий связано с наблюдениями человека за поведением, реакциями других людей, с

традиционными обрядами и ритуалами, с повседневным бытом, с народным календарем, с различными видами хозяйственной деятельности, с социальными отношениями. Языковые знаки являются вербальным кодом категоризации, транслирующим стереотипы сознания, складывающиеся на протяжении сотен лет. Также паремии являются своеобразным фольклорным произведением.

Эта разноплановость и наполненность паремических единиц выявляет потребность в рассмотрении паремий с разных аспектов: как собственно лингвистическом, так и общефилологическом.

Паремии в языке формируются сотни лет, тем самым они кристаллизуют проверенную веками информацию, отсекая второстепенные элементы и сохраняя только самое ценное для человека и социума. Являясь воплощением знаний, традиций, обычаев народа, опыт, накопленный веками передается от поколения к поколению, транслируя социальную культуру и формируя закрепленные традиции у подрастающего поколения. Таким образом, паремия становится средством формирования социокультурных компетенций:

- идеал общечеловеческой национальной культуры;
- социально значимых качествах у человека (отзывчивость, милосердие, доброта, честность и.т.д.);
- гражданственности, патриотизма, ответственности.

На основе этих компетенций вырабатывается набор навыков социально одобряемого, социально активного поведения.

Социокультурная компетенция формируется в рамках одного общества (нации) таким образом, представляя собой набор норм, традиций, обычаев характерных для конкретного социального пространства. Паремиологические изречения входят в сферу человеческой семантики и связаны с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке, с их языковым сознанием, с национальной спецификой мышления.

Паремии это кладезь духовных ценностей, проверенных социальным опытом. Самый большой пласт паремических единиц заключает в себе опыт социального взаимодействия: внутри семьи, групп, межличностное общение, групповое, регулируя отношения между людьми: верность, честь, ответственность, долг, коллективизм, добросовестность, любовь, вежливость, понимание, внимание, честность и.т.д. Тем самым подтверждая, что человек является основной ценностью во все времена.

Таким образом, паремии обладают огромными социализационными и воспитательными возможностями, и способны действенно формировать сознание и поведения среди носителей языка, подрастающего поколения, являясь образцом повседневной культуры, и имея назидательных характер.

Из пословиц мы черпаем социально–значимую информацию:

–отношение к социальному положению человека: *Богатство души не имеет; Голь хитра, голь мудра, голь на выдумку пошла; Не с деньгами жить, а с добрыми людьми;*

–отношения родственные: *Мачеха добра, да не мать родна; За что Батька, за то и детки; У лихой свекрови и сзади глаза;*

–умственные способности: *Разумный любит научиться, а глупый любит всех учить; Ученье – красота, а не ученье – сухота; Без ума голова – лукошко;*

–физическое развитие: *Здоровому все здорово; Маленький да удаленький; Не родись красивым, а родись счастливым; Лицо – зеркало души;*

–особенности характера: *Трусость истинная глупость; Запасливый нужды не терпит; Терпенье лучше спасенья; Риск – благородное дело.*

Паремия всегда лаконичное выражение какой–либо ценности или нормы в яркой эмоциональной форме, имеющие назидательный характер. Благодаря интересным и острым формам художественной выразительности (метафоры, сравнения т.д.) они легко запоминаются, также этому способствует частичная ритмическая оформленность.

Паремиологические изречения входят в сферу человеческой семантики и связаны с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке, с их языковым сознанием, с национальной спецификой мышления.

Паремии предназначены для выражения мысли о ценностях мира, это является их сущностью. Ценности мира выражаются в языке концептами, вокруг конкретного концепта формируется группа паремий отражающая ценностный характер, представляя систему фраз оценочного плана.

Система паремий опирается на систему ценностных концептов, сформированную этническим сознанием народа. Паремии имеют связь с концептом – ключевым словом, подлежащим оценке.

Л.Б. Савенкова предлагает разделить ценности паремий на девять типов: морально–нравственный, утилитарно–практический, бытийный, экономический, познавательный, общественно–политический, психологический, религиозный, эстетический. Каждый из типов в свою очередь делится на более мелкие группы «Л.Б. Савенкова в статье Иерархия ценностей как основа системы концептов в русской паремиологии, опубликованной в журнале «Филология и журналистика в контексте культуры»[1998: 22].

Язык, возник как историческая необходимость, привязан к тем требованиям, которые предъявляет ему общество, он отражает общественные тенденции и активно способствует его прогрессу: возникнув как историческая необходимость, он призван отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему общество. Вместе с тем он отражает состояние общества и активно способствует его прогрессу.

Язык и общество находятся в отношениях сложного взаимодействия и взаимовлияния, язык активно влияет на сознание его носителей, формируя систему образов и традиций. Наиболее ярко эта тенденция отражается именно в паремиях, как языковых единицах.

Наряду с фольклористским, литературоведческим, собственно лингвистическим подходами к паремиям в XIX в. стал формироваться еще один, лингвокультурологический: пословицы и поговорки оказались интересны исследователям в аспекте отражения в них, как устойчивых фраз, народной психологии и философии.

В современной лингвистике сохраняется особый интерес к изучению языка в тесной связи с миропониманием, мироощущением человека, с его практической и ментальной деятельностью (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, О.А. Корнилов, Н.А.Красавский, В.В. Красных, Е.В.Падучева, Б.А.Серебренников, В.Н. Телия и другие). На сегодняшнем этапе развития лингвистической науки признается, что познание языка невозможно без «человеческого фактора».

Филологическое исследование паремий и афоризмов не только не заканчивается, но становится все более востребованным в силу развития гуманитарного знания в целом, становления и развития ряда новых отраслей языковедения, наряду с чисто лингвистическим, фольклористическим и эмпирическим подходами в отечественных паремиологических изысканиях. В область паремиологии активно внедряются достижения таких дисциплин как: семиотика, лингвокультурология, психология, социолингвистика, прагматика, теория речевых актов, когнитивная лингвистика, теория дискурса.

XX век в мировом языкознании породил новый всплеск интереса к проблемам взаимосвязи языка и культуры: в настоящее время отечественное языковедение отличается активным интересом к вопросам взаимосвязи языка и культуры.

Описание ведущих семантических категорий паремий, таких как значения, смысла, внутренней формы, сосредоточен на идеи выявления механизмов кодирования культурно значимых смыслов за счет паремических образований. Значение паремии функционирует в качестве специфической формы выражения языкового сознания, и является планом

содержания сложного языкового знака: текстемы. Смысл афоризмов представляет собой результат их вербализации сопряженной с дискурсивной информацией.

Паремии обладают смысловой и интонационной завершенностью и синтаксической членимостью.

В одном ряду с пословицами и поговорками в паремиологии также выделяется обширный класс пословично–поговорочных выражений. Некоторые исследователи, относят пословицы и поговорки к отдаленной области фразеологического пространства и считают, что принципиально они не отличаются друг от друга (В.Т. Бондаренко).

Паремии занимают важное место в русском языке, речи, и языковой картине мира. Они наиболее аргументированно и кратко позволяют выразить отношение к миру и природе, целый комплекс культурных смыслов, связанных с человеком и обществом. Таким образом, паремии определяются целым рядом функционально-семантических особенностей, отражающих их особое место в ряду средств языкового воплощения национальной картины мира, представляя, тем самым, базовые культурные ценности [Потапова 2016:360].

Пословицы являются своеобразным хранилищем сведений о народной жизни, нравственных ценностях, традициях, социокультурных нормах, сложившихся у группы их носителей. Язык русских пословиц отражает житейско-бытовой опыт народа, таким образом, создавая воспитательные идеалы.

Многие паремиологи подчёркивают внутреннюю сложность и чрезвычайную емкость пословичных изречений. С одной стороны, это явления языка, устойчивые сочетания, сходные с фразеологическими оборотами. С другой стороны, их можно назвать логическими единицами, выражающими какое-либо суждение. С третьей – это художественные миниатюры, которые в яркой форме обобщают различные факты действительности. Таким образом, следует отметить, что в пословицах и

поговорках, как и в любом жанре фольклора, отражается все, чем живет и с чем сталкивается русский народ на протяжении веков. В них раскрывается полный набор этнографических реалий, характеристика географической среды с её ландшафтами, климатом, природными явлениями, животным и растительным миром, воспоминания об исторических событиях, а также цельная картина человеческих взаимоотношений в современном обществе [Потапова 2016:359].

Трудно определить с какого времени среди народа начали ходить пословицы, неоспоримо одно: на протяжении многих столетий они сопутствуют народу, сохраняя его опыт и традиции.

Пословица не простое изречение, в ней заключается народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Форму пословицы приобретало изречение, которое согласовывалось с образом жизни, мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, передаваясь от поколения к поколению как нравственно ценностный ориентир. Следовательно они не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что всё ими сказанное – твердая истина.

У В.И. Даля определение пословицы: «Пословица – коротенькая притча. Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [Даль 1989: 35].

Пословицы рекомендуют, советуют, предостерегают, предупреждают, высмеивают, направляют, и т.д. Пословицы выносят положительную или отрицательную оценку поведения, поступка, ситуации. В аргументативном дискурсе они могут служить весомыми аргументами (контраргументами), своей выразительностью оказывая мощное воздействие на коммуниканта, другими словами, пословицами можно проиллюстрировать свою мысль и обобщить ее в краткой форме [Шанский 1985:34].

По выражению С.Г. Бережан, устное творчество – песни, сказки, былины, загадки, является одним из источников появления пословиц. Аргументирует эту точку зрения он следующим образом: пословица «*От радости кудри вьются, от печали секутся*» возникла из песни. Из народных сказок произошли такие пословицы: «*Сам на лавочку, а хвостик под лавочку*», «*Лисий хвост, да волчий рот*», «*Целовал ворон курочку до последнего перышка*» и другие [Бережан 1988: 45–50].

Многие пословицы вошли народную речь из произведений классической литературы, например многие выражения баснописца И.А. Крылова стали народными пословицами, которые способны аргументировать и окончить спор доказав свою мысль лучше, нежели какие-либо теоретические доводы.

Запоминание пословиц облегчается разными созвучиями, рифмами, ритмикой, синтаксическим параллелизмом. Люди, создавшие пословицы не знали грамоты, и для них это был надежный способ хранить свой жизненный опыт и свои наблюдения. Однако нельзя понять пословицу, не принимая во внимание её особую связь с речью – зависимость от дискурса.

Ряд исследователей определяют разновидность афористического значения пословицы как обобщенное ее значение. Оно характеризуется сниженной референцией денотатов слов-компонентов и отсутствием конкретных хронотопных привязок к объекту, субъекту, месту и времени [Алефиренко 2010:171].

Таким образом, происхождение пословиц и поговорок, несомненно, очень древнее, так как определить конкретные ситуации их происхождения практически не возможно. Необходимой предпосылкой появления паремий был определенный уровень развития языка, способность человека пользоваться им. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что пословицы и поговорки порождаются устным народным творчеством или заимствуются из определенных литературных

источников, теряя связь с ними, но, тем не менее, в любом случае они обобщают опыт народа, выведенный из его общественной практики.

З.К. Тарланов указывал на вневременную направленность выраженную в семантической структуре пословицы. Исходя из вышеуказанных признаков пословицы, необходимо учитывать и возможный процесс утраты изначальной референции (соотнесения знака с объектом вне языковой действительности).

Специфическая способность к актуализации, в составе прецедентного высказывания обусловлена внутренней референцией лексических компонентов пословицы. За счет дискурсивной активности высказывания пословичное выражение может дорастать до статуса текстемы, так как обобщенное значение активно привлекает в свою структуру новую семантику взаимодействуя с дискурсом, происходит это именно за счет отсутствия временных привязок пословичного изречения. Рассмотрим несколько примеров: а) *Гостям два раза радуются: встречая и провожая;* б) *Гостям стол, а коням столб;* в) *Коли рады гостям, так встречайте их за воротами;* г) *На незваного гостя не припасена и ложка и т.д* [Мокиенко 2010: 215].

Гости – компонент обобщенного характера, мы не можем восстановить детали исходной ситуации, так как нет индивидуальных характеристик, их присутствие нарушало бы основной принцип пословицы – обобщение. Семантика приведенных примеров следующая: это общие указания как для хозяев дома, так и для гостя (нежданного, желанного), показана стереотипная ситуация. Это предложенная модель поведения, которая не учитывает индивидуальных черт объектов, несет общерекомендательный, назидательный характер, и содержит оценку конкретной ситуации, которую необходимо учитывать представителям социума.

Дискурсивно обусловленный смысл пословицы позволяет существовать ей вне времени и пространства, способность привлечения в

ее структуру новых значений расширяет сферу возможного контекстного употребления. Переносные значения пословицы, и обобщающая функция, присущи пословице также за счет наличия в ней. Но необходимо учитывать, что существует огромное количество пословиц, выражающих только одно прямое значение: *Старый друг лучше новых двух*.

Как пишет Л.И. Швыдкая [Швыдкая 1973:5] Пословица – цельнопредикативная обобщающая фразеологическая единица с образным выражением общего значения, в то время как поговорка – цельнопредикативная необобщающая фразеологическая единица с образным выражением общего значения». Относя к афоризмам цельнопредикативные обобщающие фразеологические единицы с образным выражением общего значения.

В.И. Даль в «Напутном» к своей книге «Пословицы русского народа», определил: пословица «не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье» [Даль 1989:11].

Некоторые лингвисты полагают, что пословица понимается как предложение, выражающее законченную мысль или суждение. Это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы, фольклорного происхождения, с образной и безобразной структурой значения, имеющие высокую степень обобщенности, многозначности, ритмически организованные, логически завершенные устойчивые изречения, которые не зависят от внешнего контекста и имеют подтекст.

Семантика пословицы во многом обусловлена дискурсивно, т.е. зависит от самой ситуации в ее дискурсивном преломлении. Также огромную роль в формировании смысла имеет и интонация, – постановка логических ударений. Например: *Работа не волк, в лес не убежит*, в зависимости от контекста может сформироваться несколько возможных вариантов смысла этой пословицы, и так как мы не знаем изначальной ситуации, и не можем рассматривать ее семантику с точки зрения

ретроспективы, то, отталкиваясь от контекста можно получить следующие значения: работа *не убежит* – т.е. делать все равно придется, с другой стороны *не убежит* т.е. ее можно отложить на потом. Как мы видим, многозначность и обобщенность пословичного изречения позволяет половице приобретать различную семантику в зависимости от контекста и ситуации в которой она применяется.

Пословица выражает суждение, имеющее назидательный характер, отличительным признаком ее является двуплановость. На эту черту в своих работах указывает Мартынова А.Н. «это народные речения, в которых отражен многовековой социально–исторический опыт народа, имеющие устойчивую, лаконичную, ритмически организованную форму и поучительный смысл» [Мартынова 1986:6].

И.М. Снегирев писал о пословицах: «Сии изречения людей, среди народа превосходных умом и долговременною опытностью, утверждаясь общим согласием, составляют – мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец» [Снегирев 1831: 3]. И.М. Снегирев, а позже В.П. Аникин, А.Н. Мартынова, М.А. Рыбникова, полагают, что пословицы являются плодами народного наблюдения на основе многовекового, социально–исторического опыта, они отражают правила нравственности, общее мнение, достопамятные события, необходимые наблюдения о природе.

Пословицы являются синтаксически целым изречением, с обобщением и образным пояснением и объяснением наблюдаемых явлений. Пословица является замкнутой структурой, в отличии например от поговорки.

Глава II. ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕИ «ТОЛЕРАНТНОСТИ» В РУССКОМ ПАРЕМИЧЕСКОМ ФОНДЕ

2.1. Особенности организации и прагматических векторов выражения идеи «Толерантности» в сборнике «Пословицы русского народа»

В.И. Даля

Основной проблемой описания концептуализации понятия «Толерантность» является то, что сам лексический маркер толерантность заимствовано, следовательно, анализируя область вербализации данной когнитивной единицы, мы не можем смотреть на неё с точки зрения ретроспективы, и потому в его лингвокогнитивном описании актуален вопрос о том, как именно «Толерантность» репрезентируется в русской языковой картине мира, и какую лакуну заполняют собой репрезентаторы концепта в современном русском языке.

Как отмечают современные исследователи, основным репрезентатором концепта «Толерантность» в русском языке является лексема терпимость как наиболее полно выражающая содержательные признаки когнитивной единицы в своей семантической структуре: «...выявление основных идентификаторов концепта «Толерантность» позволило смоделировать базовую макроситуацию толерантности (терпимое, сдержанное отношение человека к чему-либо нетипичному, нетривиальному, чуждому для данного общества, что не соответствует традиционному укладу, моделям поведения, архетипам данного общества). Макроситуацию составляют различные микроситуации (толерантность как оценка, как состояние, как действие, как реакция на что-либо и т.д.)...» [Аболин 2008:120]. Безусловно, содержание концепта «Толерантность» в русском языке не эквивалентно содержанию аналогичных концептов в европейских языках, и обусловлено рядом исторических особенностей в развитии России и русского менталитета.

Сегодня «Толерантность» является неотъемлемой частью национальной культуры и имеет определённую традицию в восприятии, определяющуюся ментальными особенностями нации. Но вызвано ли это особенностями современного развития, глобализацией, информатизацией, или обусловлено глубинной ментальной связкой с уже существующим исторически в нашей культуре концептом, и лексема толерантность просто заполнила сегодня ранее немотивированную лакуну в языке? Последний вариант кажется наиболее предпочтительным, поскольку «...в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно–национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и тому подобное и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Толстой 1896:233].

Особенности национального характера определяют поведение человека, его поступки и отношение к другим людям, формируют определённые ментальные образцы, играющие роль предписаний для поведения в данном культурном сообществе, а также лингвокультурные константы, проявляющиеся с особым своеобразием во фразеологизмах [Воропаева 2007:16].

Исходя из необходимости опоры на культурно значимые тексты как авторитетный для такого рода исследований материал, мы обратились к паремическому фонду.

Естественный язык является отражателем восприятия и концептуализации мира, значения, выражаемые в нем, складываются в единую философию представления, характерную носителям данного языка. Паремии, являясь результатом деятельности носителей языка, относятся к числу общемировоззренческих текстов, характеризующих культуру и менталитет народа. Многие исследователи, рассматривают паремии, как отражение философии народа. Система пословиц и поговорок отражает закономерности бытия, что подтверждается наличием

в них смысла народных поверий, отражают систему бытия, привычки, характер, и особенно нравственные ценности и ориентиры, имея назидательный характер.

Толерантность, выступая как нравственный ориентир свободного, демократического общества сегодня, имеет право на смысловую репрезентацию как культурная ценность в паремиях. Задаваясь вопросом толерантного отношения, как доминанты культуры взаимоотношения, в условиях глобализации и демократизации общества, а конкретно ретроспективе самого понятия, свойственного или нет русской культуре, ответ стоит искать именно в источнике интерпретации национальных эталонов: паремиях.

2.2. Деление на «своих» и «чужих» в русском паремическом фонде

«Под паремиологической картиной мира мы понимаем не просто систему пословиц и поговорок, связанных между собой различными типами отношений, а тот аспект языковой картины мира, в котором можно увидеть отражение в языке сложной и многогранной системы представлений русского народа о закономерностях бытия и законах человеческого общества, о нравственных жизненных ценностях, о привычках и характере человека...» [Семененко 2011:341].

Толерантность в смысловом отношении, является феноменом культуры, отражающем характер взаимоотношений, между субъектами так или иначе (культурно, этнически и т.д.) дифференцированных. Отношение это заключается в принятие или нет другой культурной идентификации. Следовательно в основе дифференциации лежит оппозиция с семантикой Свой/Чужой, именно основываясь на таком подходе, мы взяли для анализа парадигму пословиц «Свое – Чужое», выделенную В.И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа».

Всего было проанализировано 635 паремий, которые были распределены по тематическим группам, так или иначе репрезентирующим концепт «Толерантность». Интересно, что не было выявлено паремий, которые ярко

дифференцировали бы «Свое» (самое лучшее, лучше другого) и «Чужое» (плохое и неприемлемое).

Самой малочисленной группой оказалось тематическое объединение «Свои хуже чужих», 1 единица: *«Кому от чужих, а нам от своих»*.

Далее по мере увеличения количества репрезентантов следуют группы

- «Чужого понять можно» – 9 паремий (*Попри–ка сам, да и скажешь нам, Всякую болячку к себе применяя*).
- «Чужое лучше» – 36 единиц (*Чужой хлеб слаще калача, Приходи в гости ко мне: у соседа такое пиво, Там хорошо, где нас нет*).
- «Каждый должен место свое знать» – 41 паремия (*Тиши пыли не твои бобы, Не шевели чужой щавель, а свой набери и как хочешь шевели, Ищи себе прибыли, а другому ни ищи гибели, Чужого не сватай, своего не бросай*).
- «Чужое – чужое, не свое» – 75 единиц (*После меня хоть трава не расти, Удаvisь где хочешь только не в нашем дворе, Хоть в аду лукуй, только нас минуй* и т.д.
- «Всяк к себе ближе, всякий свое лучше знает, понимает» – 123 единицы (*Всяк сам себе ближе. У всякого Гришки свои делишки, Сова о сове, а всяк о себе, Всякая птичка своим носиком клюет* и т.д.).

Самим большим тематическим объединением, в составе которого выделено 350 паремий «Чужое – не твоё, к чужому не суйся – смотри за собой» (*Чужое и хорошее постыло; а свое и худое, да мило, Других не суди, на себя погляди, В чужую душу не залезешь. Чужая душа дремучий бор, Не наше дело попа каять: на то другой поп есть, Купи так и лупи. Когда купишь тогда и полупишь, В чужой мошне, не в своей квашне..., Не своим товаром ты стал торговать* и т.д.).

Результаты проведённого анализа подтверждают тот факт, что «своя» культура – это норма, она наделена положительными качествами, она адаптивна, «чужая» же культура воспринимается как отклоняющаяся

от нормы [Ушаков 2005:32]. *«...мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины»* [Бахтин 1979:355].

Как отмечают современные исследователи проблемы «Толерантности» как культурного концепта, вербализация оппозиции «Свой»/«Чужие» в рамках одной национальной общности происходит также фраземами, номинирующими человека как принадлежащего к кругу единомышленников, близких по духу и интересам, похожего на всех остальных представителей – свой человек, свой в доску, свой брат (парень), своего поля ягода, наш человек, и фраземами, объективирующими признаки «не похожий на нас», «мыслящий по-другому», «поступающий иначе» – чуждый по духу (по складу), чуждый душой, быть (казаться) чужим, не от мира сего, белая ворона [Ушаков 2005:12].

С точки зрения общественных наук толерантность понимается как системообразующий принцип либерально-демократических ценностей. Именно сквозь призму либерально-демократических ценностей рассматриваются критерии толерантной личности, этики ненасилия, проявления интолерантности в форме дискриминационных практик. Толерантное сознание личности базируется на следующей системе ценностей: презумпции прав человека, ориентации на терпимость к недостаткам, слабостям и ошибкам других людей, ценности согласия и ненасильственного решения конфликтов.

В общественно-политической плоскости толерантность занимает место идеологической установки, закрепляя определенную модель поведения индивида на основе культурно-обусловленных представлений, В практическом воплощении толерантность выступает как реализация этики ненасилия.

Отталкиваясь от такого понимания толерантности, мы обратились к тематическим разделам, связанным с насилием и ненасилием. Это в первую очередь раздел «Воля» — «Неволя», который также подразумевает в себе семантику «Свой» — «Чужой», эта группа включает 457 паремий. Проанализировав семантическую составляющую каждой единицы, удалось выделить 7 основных тематических объединений.

Самой малочисленной группой, в составе одной паремии, оказалось тематическое объединение: «Сам себе хозяин»: *«До Бога высоко, до царя далеко»*.

Далее, по мере увеличения количества репрезентантов следуют группы

- «Был бы сильнее всех, делал бы что хотел» — 51 паремия (*Не сможешь, не осилишь; а надорвешься, не поможем, Не свистом петь, коли голосу нет, Как не мойся, белее снега не будешь; каков есть, такого и в люди несть, Руби дерево по себе. Не по себе дерева не руби, Сидишь на ряду, (в начальниках), не молви: не могу и т.д.*).

- «Живи по правилам большинства, община сильнее» — 53 паремии (*Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй, В одну руку всего не загребешь, Где скакать хочется, там и тормозят, Выше лба уши не растут. Своего локтя не укушишь.*).

- «Власть у сильного, простив силы не пойдешь» — 70 паремий (*Под низкую притолоку гнись да приседай, Не рад, да готов. Хоть не рад, да будь готов, Воля божья. Воля божья, а суд царев. С богом не спорить, И видишь, да не вырвешь. Глаз видит, да зуб неймет, И рад бы взять, да силы не занять и т.д.*).

- «Жить нежно как велено» — 71 паремия (*Живи не как хочется, а как Бог велит, Неволя чего делает! Где вброд, в где и вплавь, Ино скоком, ино боком, а ино и ползком, Не привязан медведь не пляшет, Камень не человек, а и тот рушат, Всякая кобыла под возом брыкается и т.д.*).

- «Всяк на своем месте должен быть» – 77 паремий (*Рад бы душой, да хлеб—эт чужой, Тем рогом чеши, которым достанешь, Шла бы наперед, да никто не берет, По нужде поп ест и боб, Невеяный хлеб не голод, а посконная рубаха не нагота, Хлебал бы молоко, да рыло коротко* и т.д.).

- «Хочешь не хочешь, а воля одна, либо с нами, либо один» – 134 паремии, эта группа оказалась самой многочисленной, более 25% из всего состава тематической группы. (*Люди как захотят, а мы как изволим, Любо— бери; нелюбо – проч поди. Любо – бери; нелюбо не вороши, В рай за волоса не тянут, чья воля, того и ответ, Своя воля—клад, да черти его стерегут, Своя волюшка доводит до горькой долюшки, Находишься по воле, наплачешься вдоле* и т.д.).

Тема смирения человеком перед сильным прослеживается в более 15% паремий. Но в контексте остальных тематических групп, которых большинство, стоит сказать о явной групповой направленности всех описываемых явлений. Также как и тематической группе «Свой – Чужой» наблюдается прямое взаимодействие личности с обществом, где индивидум может действовать в рамках своих взглядов, но не идти против большинства, а большинство в свою очередь не посягает на личные интересы отдельно субъекта.

Преобладание массового сознания, наблюдается в самой многочисленной группе, что подтверждает приверженность точки зрения большинства.

Таким образом в тематической группе «Воля – Неволя» также репрезентируется «Терпимость», как репрезентант концепта «Толерантность», близкий к его семантическому ядру. Самая обширная группа, в целом выражает сущность толерантного отношения в обществе, с учетом как интересов общества, так и интересов отдельной личности.

Оппозиция «Свой/Чужой» которая непосредственно репрезентирует семантику концепта «Толерантность», предполагает также разграничение дифференциацию по признаку «Друг/недруг», (тематическая группа в

словаре Даля) Вот некоторые примеры, наиболее близкие к репрезентации «Толерантность» – «Терпимость»: *Другу дружи, а другому (недругу) не груби, С чужим не бранись, а со своим не вались. Бедный знает и друга и недруга, Недруг поддакивает, а друг спорит.*

Националистический оттенок носит, пожалуй, следующая пословица: *Не сошлись обычаем — не бывать дружбе, Не ставь недруга овцою, ставь его волком, Друг другу терем ставит, а недруг недругу гроб ладит*, совершенно понятно, что к недругу нельзя испытывать только дружелюбные чувства.

В процессе анализа этой тематической группы, состоящей из 167 единиц, мы получили следующие семантические объединения

- «Уважение чужих интересов» – 3 паремии (*Другу не дружи (не потворствуй), недругу не груби, Буде меня любишь, так и собаку мою не бей (люби), За компанию (для дружбы) и жид удавился (и монах женился и т.д).*

- «Каждый пару по подобию ищет» – 27 паремий (*Рыбак рыбака далеко по плесу видит, поп попа, дурак дурака и знают, И всяк тебе друг, да не вдруг, Стрелец стрельца видит издалика и т.д.).*

- «Есть свой, а есть чужой» – 34 паремии (*Свои люди, сочтемся. Что за счеты между друзьями, Черт попу не товарищ, (поп его обманет), Мил черт одному сатане. Черт дьяволу родимей, С собакой ляжешь – с блохами встанешь, Каков в путь, таков ему и встречу, Водиться с палачами – не торговать калачами и т.д.).*

- «За своего горой, свой в доску» – 35 паремий (*Кто друг прясой, тот брат родной, С другом знаться не редьку есть, Друг познается на рати, да при беде, Своих друзей наживай, а отцовых не теряй, Что есть вместе, чего нет пополам, Дорожка вместе, табачек пополам, Для друга и пост разрешается, Два горя вместе, третье пополам и т.д.).*

- «Дружба дружбой, а о себе не забывай» – 68 паремий (*Дружиться дружись, а нож (а камень) за пазухой держи, Дружба от недружбы*

близко живет, Больше друзей, больше врагов, бойся друга как врага, Стал бы кормить и волка, коли траву ел, Будь знаком, а ходи дальше, называется другом, а обирает другом, Дружба дружбе рознь, а аную хоть брось и т.д.). Также как и в предыдущих анализах выделяются тенденции к коллективизации, и терпимости к «недругом».

В подтверждение не агрессивности, отсутствия проявлений национализма у русского народа приведем следующее наблюдение Н.А. Бердяева: «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы — шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам...» [Бердяев 2004:296].

Подтверждение словам Бердяева мы находим и в культурно-ментальном пласте, в семантике паремий рассмотренных тематических групп у Даля. Характерно, что на всем протяжении исследования, наблюдалась яркая тенденция к «приобщению» себя к «чужим» и «чужих» к себе. Но даже в лексике не было выявлено слов (сочетаний) с ярко окрашенной агрессивной семантикой. Но нужно понимать, что паремии в зависимости от контекста высказывания могут приобретать новые слоты, и что самое важное, в отличие от например фрейма, слоты паремии могут перемещаться от периферии к центру, и если в конкретном дискурсе слот интегральный, то в другом случае, он может переместиться в зону дифференцированных, или же совсем потерять свою семантику в

контексте высказывания, в совокупности с его эмоционально–экспрессивной окраской.

Таким образом, на основе проанализированных тематических групп паремий, можно сделать вывод, о дифференциации в русском этнокультурном сознании понятия «Свой – Чужой», но стоит отметить, против чужого нет яркой агрессии, его воспринимают как индивида, со своей точкой зрения. Особенность существования человека в обществе, диктует свои правила, которые находят характерное отражение во всех рассмотренных группах, а именно: существование индивида в обществе, предполагает постоянное взаимодействие его с «массой», где «масса» выступает как не только категория численного превосходства, но и категория превосходства силы, следовательно интересы ее необходима учитывать в процессе коммуникации. Но наблюдая обратный процесс взаимодействия от большинства к индивиду, мы наблюдаем уважение к его личным взглядам и категориям. Таким образом, дифференциация «Свой/Чужой» в русской культуре, наблюдается не как агрессивное противостояние, а скорее как особенность взаимодействия.

В результате, мы можем говорить о наличии в этнокультурном сознании «Терпимого» отношения «иным». Концепт «Толерантность» вербализируется в большинстве рассмотренных паремий, что свидетельствует о факте наличия данного смысла.

2.3. «Терпение» и «Уважение» как прагматические ориентиры семантики русских пословиц

Русские паремии как средство трансляции базовых установок национального языкового сознания играют особую роль в передаче ментальных стереотипов, призванных поддерживать те или иные базовые ценности культуры.

«Под паремиологической картиной мира мы понимаем не просто систему пословиц и поговорок, связанных между собой различными

типами отношений, а тот аспект языковой картины мира, в котором можно увидеть отражение в языке сложной и многогранной системы представлений русского народа о закономерностях бытия и законах человеческого общества, о нравственных жизненных ценностях, о привычках и характере человека...» [Семененко, 2011:341].

Сегодня «Толерантность» является неотъемлемой частью национальной культуры и имеет определённую традицию в восприятии, определяющуюся ментальными особенностями нации. Но вызвано ли это особенностями современного развития, глобализацией, информатизацией, или обусловлено глубинной ментальной связкой с уже существующим исторически в нашей культуре концептом, и лексема толерантность просто заполнила сегодня ранее немотивированную лакуну в языке? Последний вариант кажется наиболее предпочтительным, поскольку «...в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и тому подобное и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Толстой, 1896: 233].

Включение концепта в русскую картину мира осуществлялось способом состыковки. Опорным для концепта «Толерантность» словом в русской лингвокультуре стала лексема терпимость. В развитии концепта наблюдаются тенденции к расширению границ функционирования данной ментальной категории, в частности «Толерантность» постепенно становится объектом общенародной культуры. Концептуализация толерантности осуществляется в положительном ключе. Языковое сознание стремится отождествить толерантность со смежными ментальными категориями, замещает данный концепт стабильным русским концептом «Терпимость» [Растатуева, 2008: 17].

Всего в процессе исследования, было проанализировано более 1200 паремий, которые говорят в первую очередь о существовании лакуны,

которую и заняла лексема толерантность. Наиболее ярко репрезентирующей лексемой толерантности является терпимость, но не отождествленная со смирением.

Таким образом, мы выяснили, что толерантность как норма отношений действительно существовала в русском сознании.

Базисными выступают такие векторы как: свое – свое, чужое – чужое не нужно к нему касаться; смотреть нужно за собой, а не за другими; к чужим нужно проявлять терпение, (*Браниться бранись, а рукам воли не давай!*; *Языком, как хочешь, а рукам воли не давай!*; *Языком играй, а руками не рассуждай!*; *Языком и щелкай и шипи, а руки за пазухой держи!*; *На словах, как на гусях, а рук не подымай!*; *Дракой прав не будешь Чем сердиться (или: браниться), так лучше помириться*). Необходимо уважать право человека на личную свободу, но важно понимать, где заканчивается свобода одного, и начинаются общечеловеческие нормы: *С людьми мирись, а с грехами бранись; С пьяным побранюсь, а с трезвым помирюсь*.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что толерантность существует сегодня в русском этнокультурном сознании как термин общекультурный, как ментальное наследие и как политическая норма. Но возникает конфликт основой которого, служит право на личную свободу и выбор, каждого человека: семантика «принятия», «терпимости», объединяется с понятием «права» (принужденного, обязательного), и получается противоречие, которое порождает неоднозначное отношение к толерантности, с одной стороны, как к основе демократического общества и человеческого права на свободу, и с другой, как разрушение национального достояния и культуры. И именно тут мы говорим о таком векторе как уважение: *Человека уважай, но достоинства не теряй*. Прагматическим ориентиром выступает уважения к чужим ценностям, терпение, но на взаимной основе: *Другу дружи, а другому (а недругу) не груби; Другу не дружи (не потворствуй), недругу не груби*. Следствием

является также то, что основные словари и форумы, отвечающие на вопросы толерантности устарели, (4–8 лет назад), и часто не отвечают современным реалиям. Именно поэтому сегодня вопрос феномена толерантности актуализируется.

На основе проведенного исследования, можно говорить о том, что толерантность является феноменом русской культуры, и лексема толерантность просто заполнила сегодня ранее немотивированную лакуну в языке, о чем свидетельствует проведенный анализ паремий. Параллельно, формируется общественно политическое понятие толерантности, которое нельзя отождествлять.

2.4. Тематический анализ русских паремий, выражающих идею «Толерантности», в формировании универсальных учебных навыков

Социокультурная ситуация сегодня характеризуется интенсивным процессом взаимодействия стран, этносов, культур. Предшествующие господство бинарной установки: «другое – чужое», не актуально в современном культурном пространстве идущем к глобализации культур, интеграции. Взрыв межкультурного общения определяет необходимость поиска бесконфликтных путей сосуществования, преодоления чуждости как атрибута многомерного социокультурного пространства.

Также важно формировать здоровое отношение к своей культуре, сохраняя ее значимость и укрепляя ее самобытность. Развитие такого феномена культуры, как толерантность объективно становится эпицентром социального внимания. Толерантность заимствованная лексема, и следовательно рассматривать ее с точки зрения ретроспективы мы не можем, но тем не менее нам необходимо сформировать у обучающихся четкое представление об этом культурном феномене, и вместе с ними доказать его существование в нашем этнокультурном сознании и пространстве. Вполне оправданно здесь обратиться к паремиологическому фонду русского языка. Ниже предложен конспект

урока направленный на формирование универсальных учебных навыков школьников.

Пословицы как зеркало нашей культуры

Цель: формирование мировоззрения учащихся и воспитание культуры толерантности, основанных на принципах уважения прав и свобод человека, стремления к межнациональному согласию, готовности к диалогу. Воспитание подрастающего поколения в духе гражданской солидарности и толерантности.

Задачи: развитие терпимого отношения в среде обучающихся; совместная работа обучающихся по формированию толерантности; развитие чувства собственного достоинства и умения уважать достоинство других; осознание многообразия реализации личности каждого участника в групповом взаимодействии; развитие навыка самоанализа, самопознания, ведения позитивного внутреннего диалога о самом себе; формирование позитивного отношения к своему народу.

Методики работы: индивидуальная, групповая работа, проектная деятельность, беседа.

Ход урока

Вводное слово: толерантность это часть культурного пространства, культурного сознания. Нам с вами известно, что само слово «толерантность» заимствованно из иностранного языка, и конечно это вызывает ряд вопросов, на который сегодня мы с Вами должны ответить: свойственна ли толерантность русскому народу? Присуще ли нам исторически толерантное отношение к другим? Как мы относились и должны относиться к «чуждому»? (вопросы выводятся на слайд и записываются в тетрадь).

Учитель: чтобы объективно определить историческое отношение к «чуждому» мы обратимся к паремиологическому фонду. Как вы думаете

почему? (обучающие должны обозначить, что пословицы отражают народную мудрость, сохраняют в себе культурные ценности народа).

Выступление с проектным заданием: группе обучающихся было предложено проанализировать тематическое деление пословиц в сборники Даля, выделить и аргументировать свой выбор в пользу тех групп (группы) которая наиболее полно репрезентирует толерантность, задание координировалось учителем, основная выделенная группа «свой/чужой». Также им было предложено выделить пословицы которые наиболее ярко отражают отношение к своему и чужому.

Групповая работа: обучающие делятся на группы (4–5 групп по 4–6 человек). Им предложено разделить пословицы, представленные на карточках, на группы по общему смыслу, и выделить его как название группы.

Предложенные пословицы: *Чужой хлеб слаще калача, Приходи в гости ко мне: у соседа такое пиво, Там хорошо, где нас нет; Тиши пыли не твои бобы, Не шевели чужой щавель, а свой набери и как хочешь шевели, Ищи себе прибыли, а другому ни ищи гибели, Чужого не сватай, своего не бросай; Всяк сам себе ближе. У всякого Гришки свои делишки, Сова о сове, а всяк о себе, Всякая птичка своим носиком клюет; Чужое и хорошее постыло; а свое и худое, да мило, Других не суди, на себя погляди, В чужую душу не залезешь. Чужая душа дремучий бор, Не наше дело попа каять: на то другой поп есть, Купи так и лупи. Когда купишь тогда и полупишь, В чужой мошне, не в своей квашне..., Не своим товаром ты стал торговать.*

Учитель: теперь давайте озвучим те смысловые группы которые у вас получились (обучающиеся читают названия которые дали своим группам и выделяют две с самым большим количеством примеров, названия этих групп выводятся на слайд. –Можем ли мы говорить о том, что толерантное отношение свойственно нашей культуре?

Учитель: теперь мы с вами работаем индивидуально, каждый из вас, в пределах 5–7 предложений, должен ответить на вопросы, которые мы записали в самом начале урока. (В конце несколько желающих читают свои ответы).

Заключительный этап (Рефлексия)

Упражнение Синквейн «Толерантность»

Задача упражнения: обобщить информацию после определенной вдумчивой рефлексии и представить ее в виде синквейна.

Синквейн – это особая форма стихотворения, которое требует синтеза полученной информации. Происходит от французского слова «5». Таким образом, синквейн – это 5 строк:

- 1 – тема существительное, (толерантность);
- 2 – два прилагательных, которые подходит к теме существительного;
- 3 – три глагола по теме;
- 4 – осмысленная фраза на данную тему;
- 5 – резюме к теме (желательно 1 слово или словосочетание).

Задание выполняется в группах.

Время выполнения: 5 минут.

Представление синквейнов.

Учитель: как мы с Вами увидели, проанализировав пословицы, которые являются зеркалом культуры народа и хранят в себе традиции, толерантное, терпимое отношение к чужому свойственно нашей культуре исторически. Таким образом, дифференциация «Свой–Чужой» в русской культуре, наблюдается не как агрессивное противостояние, а скорее как особенность взаимодействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная проблема семантического анализа концепта «Толерантность», заключается в отсутствии в историческом пласте ЯКМ лексемы *толерантность*, но при этом, понятие широко используется в языке, что обусловлено условиями глобализации и демократизации общества, и России в частности. Основная сложность заключается в отсутствии возможного ретроспективного анализа концептуальной единицы, ее идентификации, вследствие того, что сама лексема заимствована. Таким образом, встает вопрос о наличии самого этнокультурного смысла «Толерантности», в русской культуре.

Как показал анализ тематических групп паремий выделенных Далем В.И., в сборнике пословиц русского народа, в основе формирования которых лежит наличие оппозиционно-дифференцированных отношений: «Свой – Чужой», «Друг – Недруг», «Воля – Неволя» «Толерантность» является идентичным концептом русской концептосферы.

Всего было проанализировано более 1200 паремий, результатом стало выделение системы репрезентации концепта. Семантическое поле вербализации концепта «Толерантность» получило следующие доминанты: наличие четкой дифференциации «Своего» и «Чужого» во всех тематических группах, наблюдается тенденция к глобализации, которая не носит агрессивного характера принуждения, а скорее говорит о терпимом отношении к «Чужому», но подчеркивается доминанта массы, общества, как пространства в котором необходимо существовать индивиду.

Таким образом «Толерантность» в русском национальном сознании имеет глубокие корни, так или иначе находящие отражение в духовной деятельности народа, в том числе в его пословицах, поговорках, фразеологических оборотах, отражающих этнокультурные особенности нации в процессе исторического развития. Паремический материал, формируется как отражение духовной деятельности народа, и помогает

дополнить и уточнить обобщенный образ русского национального характера, скорректировать некоторые шаблоны о русском человеке, а в некоторых случаях и опровергнуть стереотипы, которые мешают сближению нашего народа с другими народами стран мира.

В процессе анализа были выделены следующие содержательные компоненты концепта. «Свой» репрезентируется как: *свой в доску за своего горой, рыбак рыбака видит, после меня хоть трава не расти*; отношение к «Своим»: *два горя вместе, одно поровну, одна дорожка, своих не теряй, с другом знаться не редьку есть*; «Чужое»: *не твое не лезь, у каждого свой огород*; также, была дифференциация где «Чужое»: было лучше своего: *у соседа яблоки слаще, в гостях поем*; отношение к «Чужому» репрезентировалось в нескольких вариантах, самый обширный пласт: *нос в свою тарелку суй, в чужом монастыре свои законы, чужое не свое не косись,; пока с нами, вой по нашему, нет – на нас не рассчитывай*.

Перспектива проведенного исследования состоит в изучении судьбы концепта «Толерантность» в русской лингвокультуре, рассмотрении процесса импортирования новых ментальных категорий.

Исследование подтверждает точку зрения, в соответствие с которой концепт «Толерантность» является давно сформировавшимся в русском этноязыковом сознании, в то время как его лексический репрезентатор толерантность, ставший актуальным для русского языка лишь в конце 20–го столетия, всё ещё воспринимается как нуждающийся в дополнительном разъяснении, которое, на наш взгляд, весьма успешно может осуществляться с применением паремических иллюстраций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Теоретические работы:

1. Аболин, Б.И. Слово «толерантность» в русской лексикографии: основные элементы значения [Текст] / Б.И. Аболин // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. – № 2. – С. 118–121.

2. Абрамова, Н.С. Психолингвистические аспекты изучения грамматических норм в 10–11 классах [Текст] / Н.С. Абрамова // Филологический класс, 2013. – № 1 (31). – С.47–50.

3. Алефиренко, Н.А. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики. [Текст] / Н.А. Алефиренко, Н.Н. Семенов // Известия уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т.85, №6–2. – С.169–180.

4. Алефиренко, Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова [Текст] / Н.А. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2009. – Т.14. – №4. – 5–9.

5. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое знание и концепт // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международ. шк. – семинара по когнитивной лингвистике 11–14 сент. 2000 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев; редкол.: Е. С. Кубрякова и др.: В 2 ч. Ч 2. Тамбов: Изд – во Тамб. ун. – та, 2000. – 261 с.

6. Антонова, Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно–деятельностный подход: Учебное пособие [Текст] / Е.С. Антонова. М.: КНОРУС, 2007. – 389 с.

7. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] : стат. сб. / И.В. Арнольд; под общ. ред. П.Е. Бухаркина. – М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448с.

8. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности [Текст] / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство. —1979. — С. 7—181.

9. Белова, Н.А. Методы обучения жанру самопрезентации на уроках русского языка в контексте поликультурного образования в школе [Текст] / Н.А. Белова, Ю.Ф. Кямкина // Наука и школа. 2016. — № 4. С. — 118—123.

10. Бердяев, Н.А. Душа России [Текст] / Н.А. Бердяев // Русская идея: Сб. произв. русских мыслителей. М., 2004. —308с.

11. Бережан, С.Г. К вопросу о диапазоне варьирования фразеологизмов // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней [Текст]: межвузовск. науч. сб. Башкирск. ун.-т. — Уфа, 1988. —148 с.

12. Бессонова, Л.Е. Лексическая репрезентация концепта «образование» (по материалам ассоциативного эксперимента) [Текст] / Л.Е. Бессонова //: уч. зап. Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология». —2005. — Т.18(57). — №2. — С.168—173.

13. Бирюкова, Т.Г. Использование структурно-смысловой модели при обучении анализу и созданию текста-рассуждения в школе [Текст] / Т.Г. Бирюкова // Вопросы филологии. — 2008. — № 4. —С. 112—116.

14. Богатырева, С.Н. Диахронический аспект толерантность в разных лингвокультурах [Текст]: автореф. дис.. // Богатырева, С.Н. // — Пятигорск, 2010. —213с.

15. Болдырев, Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц [Текст] / Н.Н. Болдырев // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12—14 мая 1999 года. — Ч. 1 / Отв. ред. Н.Н. Болдырев.— Тамбов: Изд-во Тамбов, гос. ун-та. — С. 15—18.

16. Воропаева, В.А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность [Текст]: дис. канд. филол. наук / В.А. Воропаева; Тамбовский гос. тех. ун-т. — Тамбов., 2007. —168с.

17. Дунёв, А.И. Русский язык в школе [Текст] / А.И. Дунёв // Вестник Герценовского университета, 2010. – № 12. – С. 28–30.

18. Дьяченко, А.С. Национально–культурная специфика концепта «патриотизм» и средства его репрезентации в американской публицистике [Текст] / А.С. Дьяченко, Н.Г. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. – Ставрополь. – 2013. – №3. – С. 255–256.

19. Же Ли. Семантика концепта «толерантность» и способы его лексической репрезентации в русском языке [Текст] / Же Ли // Лингвокультурология. – 2007. – №1. – С. 104–114.

20. Жукова, М.Е. Проблема толерантности в зеркале русских пословиц и поговорок [Текст] / М.Е. Жукова // Вестник Новгородского Государственного университета. – 2006. – № 36. – С. 58–61.

21. Золотых, Л.Г. Когнитивно–дискурсивные основы фразеологической семантики [Текст] : монография / Л.Г. Золотых. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007. –186с.

22. Иванова, М.Ю. Семантический анализ текста на уроках русского языка в старших классах [Текст] / М.Ю. Иванова // Педагогический журнал. 2010. №4 – С.119– 126.

23. Иванова, Т.М. К вопросу о системном подходе в методике преподавания русского как иностранного (на примере русской лексики) [Текст] / Т.М. Иванова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение, 2012. – № 2. С. – 266–271.

24. Кобякова, Т.И. Лингвокультура и этнонациональное языковое сознание [Текст] / Т.И. Кобякова, Н.Л. Сунцова // Наука сегодня: теория и практика: сб. метериалов международной. заочной. науч. конф. / УГУЭиС. – Уфа,2015. –С.138–142.

25. Лукьянчикова, Н.В. Возвращение сочинения: проблемы и решения [Текст] / Н.В. Лукьянчикова // Ярославский педагогический вестник, 2015. – № 5. – С. 362–365.

26. Неровная, Н.А. Национальная специфика лексико–фразеологической объективации близких по содержанию концептов [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. / Н.А. Неровная. – Воронеж: Изд–во ВГУ, 2009. –204с.

27. Ольховик, Н.Г. Филологический анализ поэтического текста на уроках русского языка в старших классах [Текст] / Н.Г. Ольховик // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2006. – Т. 5. – № 23. – С. 154–159.

28. Потапова, Н.А. Анализ понятий «пословица» и «поговорка» в современной лингвистике. [Текст] / Н.А. Потапова// Мир науки, культуры, образования. –2016.–№ 6 (61). – С.358–361.

29. Рапаева, Ю.В. Методические подходы к проблеме обучения перефразированию [Текст] / Ю.В. Рапаева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева, 2014. – № 4 (17). – С. 165–174.

30. Растатуева, С.Г. Репрезентация концепта «толерантность» в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. / С.Г. Растатуева. – Елец: Изд–во Елецкого гос. ун–та им. И.А.Бунина, 2008. – 21с.

31. Савенкова, Л.Б. Иерархия ценностей как основа системы концептов в русской паремиологии [Текст] / Л.Б. Савенкова // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик—98). Материалы Всерос. науч. конф. Вып. 1. – Ростов н/Д, 1998.–С. 21–23.

32. Самокрутова, Л.В. Лингвокультурологический аспект в методике преподавания русского языка как иностранного при изучении фразеологии [Текст] / Л.В. Самокрутова, Л.О. Сорока // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского, 2015. – № 4 (58). – С. 50– 59.

33. Семененко, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика:Монография [Текст] / Н.Н. Семененко. – Старый Оскол: Изд–во «РОСА», 2011. –353с.

34. Семененко, Н.Н. Отражение ключевых символов русского этноязыкового сознания в паремнографической практике [Текст] / Н.Н. Семененко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С.61–63.

35. Соловьева, Н.В. Толерантность речевого взаимодействия в интернет-коммуникациях [Текст]: дис. канд. филол. наук / Н.В. Соловьева; Пермский гос. науч. исслед. ун-т. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2012. – 118с.

36. Стернин, И.А. Коммуникативные аспекты толерантности [Текст]: монография / И.А. Стернин, К.М. Шилихина ; под общ. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Флинта, 2000. – 133с.

37. Сумина, Е.С. Толерантность от феномена к лингвокультурному концепту [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. / Е.С. Сумина. – Екатеринбург: Изд-во УрПГУ, 2007. – 21с.

38. Тарланов, З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика [Текст] : Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1999. – 448с.

39. Теория языка [Текст]: учеб.-метод. пособие для студентов факультета русской филологии. под ред. Л.Н. Оркина – Чебоксары: Чуваш.гос.пед.ун-т, 2011. – 112 с.

40. Толстой, Л.Н. Патриотизм или Мир? [Электронный ресурс] / Л.Н. Толстой. – Режим доступа // az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0750-1.shtml

41. Фигуровский, И. А. Избранные труды [Текст] / И. А. Фигуровский. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – 483 с.

42. Хохлина, М.Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «Своего» и «Чужого» во фразеологической парадигме [Текст]: монография / М.Л. Хохлина; науч. ред. Л.Г. Золотых. – Астрахань: Астраханский гос. ун-т, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 141с.

43. Хуснулина, Р.Р. «Школа и ВУЗ: русский язык и математическое мышление в контексте развивающего [Текст] / Р.Р. Хуснулина // Вестник Казанского технологического университета. 2011, – № 2. С. – 309–311.

44. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка[Текст] : Учеб. пособие для студентов пед. ин–тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1969. –272 с.

45. Швыдкая, Л.И. Синонимия пословиц и афоризмов в английском языке [Текст]: Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Л.И. Швыдкая. – Ленинград: гос. Пед. Ин–т им. А.И.Герцена, 1973. –20с.

46. Щирова, И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. [Текст] / И.А. Щирова // – СПб., 2007. –271с.

47. Яковлева, О.О. Возможности интерактивной доски в обучении русскому языку в средней школе [Текст] / О.О. Яковлева // В мире научных открытий, 2010. – № 4– 18. С. 92– 94.

II. Список использованных словарей:

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа[Текст] – М.: Художественная литература. 1989.

2. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст] – М. ЗАО изд–во ЭКСМО– пресс, 2000г.

3. Даль, В.И. Пословицы русского народа: Сборник[Текст] – В 2 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1989.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т., 2 т. [Текст]– М., 1999.

5. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст]: сборник — М., Худ. Лит., 1989.

6. Мартынова, А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы, поговорки, загадки. / А.Н.Мартынова //– М.: 1998.

7. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева – М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

8. Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина – М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2007.

9. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст]: монография / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996.

10. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [Текст] стат.сб. / Д.Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Н.Ф. Татьянченко – М.: Альта–Пресс, 2005.